

«Незаконный» Ъ
после шипящего
в суффиксе глаголов
в старорусских
памятниках

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

“Irregular” -ě- after
Hushing Sibilants in
Verbal Suffixes in
Middle Russian
Writing

Yana A. Pen'kova

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В работе предпринимается попытка выявить причины появления в старорусской письменности фонетически незакономерного *ѣ* после шипящих в суффиксах глаголов III класса. Предлагается рассматривать данный языковой факт как системный и при этом не связанный с орфографической традицией южных славян, поскольку большинство таких глаголов обнаруживается в книжных памятниках. Работа выполнена на материале Словаря русского языка XI–XVII вв., в выпусках которого было найдено 13 глаголов с суффиксом *-ѣ-* после *ж*, *ш* или *ч*. Приставочные глаголы имеют результативное значение, приставочные обозначают предельные процессы. Предполагается, что аналогичное распространение суффикса *-ѣ-* в них вызвано следующими факторами: во-первых, омонимией суффиксов *-а₁-* и *-а₂-*, алломорфа суффикса *-ѣ-* с процессуальным значением и показателя имперфективации; во-вторых, необходимостью выработать способ образования декаузативных глаголов в период, когда основным декаузативным средством еще не стала возвратность.

Цитирование: Пенькова Я. А. «Незаконный» Ъ после шипящего в суффиксе глаголов в старорусских памятниках // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 477–486.

Citation: Pen'kova Ya. A. (2018) “Irregular” -ě- After Hushing Sibilants in Verbal Suffixes in Middle Russian Writing. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 477–486.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.18

Ключевые слова

суффикс *-b-* после шипящих, результатив, каузатив, декаузатив, глагольная морфонология, историческое словообразование, старорусский язык

Abstract

The paper attempts to identify the causes of the phonetically irregular *-ě-* after hushing sibilants in verbal suffixes in Middle Russian writing. The author suggests treating this linguistic fact as a systemic one, not connected with the spelling tradition of the southern Slavs, since most of these verbs occur in vernacular sources. With the use of the material from the Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries, 13 verbs with the suffix *-ě-* after hushing sibilants could be found. Prefixed verbs have resultative meaning, unprefixed ones denote telic processes. The analogical distribution of the suffix *-ě-* is probably caused by two factors. Firstly, the suffix *-a₁-*, the allomorph of the suffix *-ě-* with the meaning of process, and the suffix *-a₂-*, the imperfectivization marker, were homonymous; secondly, it was necessary to form decausative verbs in the period when reflexiveness has not yet become the main way of decausation.

Keywords

suffix *-ě-* after hushing sibilants, resultative, causative, decausative, verbal morpho-phonology, historical derivation, Middle Russian language

Как известно, праславянский «долгий е» (**ē*), перед которым заднеязычные подвергались первому переходному смягчению, изменялся в *a*. Этот процесс затронул и область глагольной морфонологии, так что в глаголах состояния после шипящего представлен суффикс *-a-*, а не *-b-* (ср. *кричати, молчати, дышати, слышати* и др.), тогда как в остальных глаголах в положении не после заднеязычного — суффикс *-b-*, восходящий к тому же самому праславянскому суффиксу *-*ē-*, ср.: *слабѣти, скърбѣти, съдравѣти, жадѣти, нерадѣти, бѣдѣти, сѣдѣти* и др. Однако известно также, что примеры с фонетически «незаконным» *ǃ* после шипящего можно встретить в восточнославянских церковнославянских памятниках и что такие написания имеют исключительно орфографический характер и появляются в эпоху II южнославянского влияния (см., например: [Живов 2017: 839]). Они обусловлены тем, что южнославянский («болгаро-македонский») *ǃ* был нижнего подъема и после мягких согласных нейтрализовался с *a*.

При работе над 31-м выпуском «Словаря русского языка XI–XVII вв.», на данный момент еще не опубликованным, в Вологодском сборнике был обнаружен на первый взгляд ничем не примечательный пример «противозаконного» *ǃ* после шипящего в глагольной основе III класса:

Егда же **ужесточѣ** сѣдце фараоново не отпустити нас, изби вся прѣвѣнѣца в земли Египетстѣи (ἐσκληήρουνε). (Исх 13: 15) (Волог. сб.¹, 101. XV в.)

Такое написание как будто ничем не отличается от других подобных случаев ориентации на орфографическую традицию южных славян и подтверждается примером из рукописи XI в., в котором находим непереходный глагол *ужесточати* с «правильным» суффиксом *-а-* после шипящего: *колѣнѣ **ужесточалѣ** мѣножѣствѣмъ кланянии* (Ио. Леств.1, 57об. XI в.). Кроме того, в цитате можно видеть и другие признаки II южнославянского влияния (ср. редуцированный после плавного в *прѣвѣнѣца*). Интересно, что в том же контексте из Книги Исход в Геннадьевской Библии 1499 г. употреблен каузатив *ужесточити* (егда же **ужесточи** [Бог] *сѣдце фараоново*), который, в свою очередь, в Елизаветинской Библии заменен на рефлексив *ожесточитися* – семантический аналог *ужесточѣти* (егда бо **ожесточися** фараон).

Обращение к обратному словнику *СлРЯ XI–XVII в.* показало, что «колебания» между каузативом *ужесточити* и непереходными декаузативами *ужесточѣти* и *ужесточитися* не случайны и что данный пример, по-видимому, можно рассматривать в одном ряду с другими подобными случаями с *ѣ* на месте законного *а* после шипящего, не имеющими отношения к южнославянской орфографии, ср.:

ближѣти 'приближаться'	(СлРЯ XI–XVII, 1: 238)
зажесточѣти 'стать жестким, твердым'	(СлРЯ XI–XVII, 5: 193)
запереложѣти 'зарастить, задернуть, превратиться в перелог'	(СлРЯ XI–XVII, 5: 261)
обезматчѣти 'лишиться матки (о пчелином рое)'	(СлРЯ XI–XVII, 12: 29)
обезножѣти 'лишиться способности ходить'	(СлРЯ XI–XVII, 12: 29)
обнажѣти 'лишиться чего-л.; обнищать, разориться'	(СлРЯ XI–XVII, 12: 100)
оклячѣти 'окоченеть, оцепенеть, онеметь'	(СлРЯ XI–XVII, 12: 327)
оубожѣти 'стать бедным, нищим'	(СлРЯ XI–XVII, 14: 79)
плѣшѣти 'лысеть, плешиветь'	(СлРЯ XI–XVII, 15: 92)
полегчѣти 'полегчать'	(СлРЯ XI–XVII, 16: 208)
развлажѣти 'насытиться влагой, утучниться'	(СлРЯ XI–XVII, 21: 153)
размякчѣти 'размягчиться'	(СлРЯ XI–XVII, 21: 224)

Приведенные примеры, очевидно, в большинстве случаев представляют собой аналогические образования более позднего времени, так как, за исключением *обнажѣти*, зафиксированы преимущественно в памятниках XVI–XVII в. различной локализации, причем в большинстве своем некижных:

¹ Здесь и далее сокращения источников соответствуют принятым в СлРЯ XI–XVII вв.

Ближѣти	(Ник. лет. XIII, 167. XVI в.)
Зажесточѣти	(Леч. II, гл. 80. XVIII в. ~ XVII–XVIII вв. ²)
Запереложѣти	(Писц. д. I, 113. 1619 г.)
Обезматчѣти	(ДТП I, 1198. 1666 г.)
Обезножѣти	(АИ II, 213. 1609 г.)
Обнажѣти	(Панд. Ант. Вост. II)
Оклячѣти	(Львов. лет. I, 265. XVII в.)
Оубожѣти	(Изм., 350об. XVI в. ~ XIV в.)
Плѣшѣти	(Лекс. словен.-лат., 482. XVII в.)
Полегчѣти	(СГГД II, 163. 1604 г.)
Размякчѣти	(Травник Любч., 683. XVII в. ~ 1534 г.)
Развлажѣти	(Лавр. лет., 410. 1377 г.)

Все перечисленные глаголы являются непереходными, при этом они неоднородны в формальном, словообразовательном и семантическом отношении. Большинство из приведенных глаголов относится к III классу (по Августу Лескину). *Оклячѣти*, зафиксированный в южно-русской Львовской летописи, источником которой служила Софийская II летопись, также имеет вариант IV класса *оклачити* с тем же значением 'окоченеть, оцепенеть, онеметь' (СлРЯ XI–XVII, 12: 325; более точным все же было бы толкование 'согнуться от окоченения', ср. *поклякати* 'склоняться, опускаться (на колени)'). Приведем некоторые примеры из источников:

руцѣ его оклячѣли бяху (Львов. лет. I, 265);

яко оклячѣвше сташа мужие новугородстии, не могуще ни рукою двигнути (Ibid., 295);

яко оклячивше сташа (Новг. III лет., 302. XVIII в.);

руцѣ его оклачили бяху (Варл. Хут., 190об. XVI–XVII вв. ~ XV в.).

Здесь, по-видимому, нельзя исключать как смешение *ѣ* и *и*, так и возможность существования двух словообразовательных вариантов одновременно. Исконным является глагол IV класса *оклачити* (ср. непереходные *клячити* 'нагибаться, склоняться' и *поклячити* 'склониться, опуститься (на колени)'), тогда как «новый» глагол III класса *оклячѣти* перестроился по аналогии с многочисленной группой приставочных глаголов с результативным значением, имевших суффикс *-ѣ-*, вроде *оцепенѣти*, *окостенѣти*, *раздебелѣти*, *обессилѣти*, *одряхлѣти*, *измълѣти* и под. (ср. такие же непереходные дублиеты *посинѣти*, *посинити* и *посиняти* 'потемнеть, посинеть').

² Дата перед тильдой означает датировку рукописи, дата после тильды — время появления текста.

В словообразовательном отношении рассматриваемая группа глаголов также неоднородна. С одной стороны, выделяются отыменные образования *запереложѣти*, *обезматчѣти*, *обезножѣти*, *оубожѣти*, *плѣшѣти*, соотносимые с именами существительными *перелог*, *матѣка*, *нога*, *убога* и *плѣшь* (*оклячѣти/оклячити* – образование иного рода, ср. *поклякати* (СЛРЯ XI–XVII, 16: 162)). Другие же глаголы являются производными от прилагательных с суффиксом *-ѣк-*: *близѣкъ*, *жестѣкъ*, *легѣкъ*, *мягѣкъ*.

С семантической точки зрения выделяется большая группа глаголов (*запереложѣти*, *зажесточѣти*, *ужесточѣти*, *полегчѣти*, *размякчѣти*, *оклячѣти/оклячити*, *развлажѣти*), называющих результат предельных процессов:

пашня впередѣ не запереложела (Писц. д. I, 113. 1619 г.);

в спине от холоду, бывает, зажесточеетъ... и болезнь велика бываетѣ (Леч. II, гл. 80. XVIII в. ~ XVII–XVIII вв.);

заболѣлъ лихорадкою, а къ вербному воскресению и полегчѣло (Пис. к Матюшкину, 158. 1652 г.);

тотъ камень... никогда размякчеетъ (Травник Любч., 683. XVII в. ~ 1534 г.);

кости твоя развлажѣютѣ (Лавр. лет., 410. 1377 г.).

К этой группе примыкают и бесприставочные *близѣти* и *плѣшѣти*, называющие предельные процессы:

Зимней путь ближеетѣ (Посольство Бярятинского, 468. 1619 г.);

Плѣшѣю. Лысею. *Calieo. Caliesco* (Лекс. словен.-лат., 482. XVII в.).

Обнажѣти, *обезматчѣти* и *обезножѣти* являются представителями другого акционального класса, однако, так же как и большинство перечисленных выше глаголов, обозначают результирующее состояние. Такие образования на *обез-*, по-видимому, становятся довольно продуктивными в XVI–XVII вв., ср.: *обезумѣти*, *обезгласѣти*, *обезлошадѣти*, *обезлюдѣти*, *обеззапасѣти*, *обесхлѣбѣти*, *обесчадѣти*. По этой модели образуются не только непереходные глаголы с суффиксом *-ѣ-*, но и переходные каузативные глаголы с суффиксом *-и-*, ср.: *обезглавити*, *обезвѣчити*, *обезвинити*, *обесчестити*; и непереходные декаузативные возвратные глаголы: *обезлѣпотитися*, *обезнадеждитися*, *обезгласитися*, *обезумитися*, *обесчеститися*, *обесчадитися*. Показательно, что в некотором случае мы обнаруживаем пары конкурирующих непереходных глаголов с *-ѣ* и с *-ся*, называющих наступление некоторого состояния: *обезумѣти* – *обезумитися*, *обезгласѣти* – *обезгласитися*, *обесчадѣти* – *обесчадитися*. А в случае с *обнажѣти* – даже несколько декаузативов: *обнажѣти* – *обнажѣтися* – *обнажитися*.

Часть рассматриваемых нами глаголов с незаконным *ѣ* после шипящего *зжесточѣти, ужесточѣти, полегчѣти, размякчѣти*, образованных от имен прилагательных с суффиксом *-ѣк-* и называющих результат предельного процесса, входят в словообразовательную парадигму, состоящую как минимум из трех членов:

ужесточѣти	ужесточити (перех.)	ужесточати (неперех.)
полегчѣти	полегчити (перех.)	полегчати (перех.)
размякчѣти, размякнути	размякчити (перех.)	размягчати (перех.)

Парадигма состоит из 1) непереходного глагола СВ с декаузативным результативным значением и суффиксом *-ѣ*, 2) каузатива СВ с суффиксом *-и-* и 3) глагола НСВ с суффиксом *-а*, который, как правило, переходный. Непереходный *ужесточати* (*колѣнѣ ужесточалѣ мѣножѣствѣмъ кланянии*) фиксируется только в рукописи XI в. (*Ио. Леств.1, 57об. XI в.*) в архаичном «причастном» употреблении (о таких употреблениях *л-форм* см.: [Скачедубова 2016]) и для рассматриваемого нами старорусского периода не может быть привлечен. Напротив, более поздние *полегчати* (в отличие от современного непереходного *полегчать*) и *размякчати* в старорусском языке являются переходными каузативными глаголами:

вели нас в своем государевом ясаку полегчати (*Гр. Сиб. Милл. II, 153. 1598 г.*);
Травы... потребууть мокроты водныя, которая бы кормѣ розмягчаючи розносила (*Назиратель, 291. XVI в.*).

Примеры с такой же и более широкой парадигмой, включающей также возвратные глаголы, можно в достаточном количестве найти в памятниках старорусского периода, ср.:

обѣлѣти	обѣлити	обѣляти	обѣлитися	(<i>СлРЯ XI–XVII, 12: 30–31</i>)
обессилѣти	обессилити	обессиляти		(<i>СлРЯ XI–XVII, 12: 37</i>)
оскорбѣти	оскорбити	оскорбляти	оскорбитися оскорбѣтися	(<i>СлРЯ XI–XVII, 13: 95–96</i>)
ослабѣти	ослабити	ослабляти	ослабитися ослаблятися	(<i>СлРЯ XI–XVII, 13: 103–105</i>)
уздравѣти	уздравити		уздравитися	(<i>СлРЯ XI–XVII, 31, в печати</i>)

Процесс становления видовой корреляции в паре переходных глаголов на *-ити* и *-ати* уже, по-видимому, завершен и соответствует

современному состоянию³, ср.: *размягчить* — *размягчать*, *ужесточить* — *ужесточать*, *облегчить* — *облегчать*, *обнажить* — *обнажать*. При этом «нормальными» декаузативами к этим глаголам в современном русском языке служат возвратные глаголы типа *ужесточиться*, *размягчиться*, *обнажиться* (ср., однако, *полегчать*: непереходный в современном русском языке, а в старорусском — каузатив несовершенного вида).

Таким образом, на примере рассмотренной группы глаголов мы видим аналогическое распространение суффикса *ѣ* на глаголы с шипящим в основе, имеющие результативное значение. Точные географические границы данного явления и его взаимосвязь с судьбой фонемы *ѣ* в великорусских говорах на основании имеющихся данных определить едва ли возможно. Хронологические рамки данного процесса ограничены, по-видимому, XV–XVII вв. В старорусский период суффикс *-ѣ*, изначально характерный для бесприставочных процессуальных глаголов или глаголов состояния, с одной стороны, распространяется на бесприставочные глаголы с шипящим в основе, обозначающие предельные процессы: *синѣти*, *бѣлѣти* → *ближѣти*, *плѣшиѣти*. С другой стороны, по мере развития видовой корреляции суффикс *-ѣ* в перфективах, образованных от бесприставочных глаголов, приобретает также результативное значение и проникает в приставочные глаголы СВ с шипящим, обозначающие результат предельного процесса (*ослабѣти* → *размякчѣти*), а также в некоторые другие отыменные образования с результативным значением (→ *обезумѣти* → *обезматчѣти*). Некоторое время в истории русского языка конкурируют суффикс *-ѣ* и постфикс *-ся* как способы образования глаголов с декаузативным значением. В рассматриваемый период возвратный дериват есть только у *размякчѣти* — *размякчѣтися*, тогда как *ужесточѣтися* и *ужесточатися* еще не фиксируются (об отсутствии четкой корреляции между рефлексивами и переходными глаголами в древнерусском см.: [Крысько 2006]; о возвратных глаголах в современном русском языке см.: [Летучий 2014]). Первый способ затем уходит на периферию.

Судя по всему, аналогическое распространение суффикса *-ѣ* на непереходные глаголы с шипящим в старорусском языке XV–XVII вв. объясняется тем, что имевший то же значение суффикс *-а₁* уже не мог служить регулярным алломорфом *-ѣ* в непереходных приставочных глаголах с результативным значением, поскольку совпадал с более частотным омонимичным ему суффиксом *-а₂*, который был средством имперфективации в каузативах НСВ (*размякчати*, *ужесточати*). Необходимо было избежать омонимии переходного и непереходного

³ О хронологии и особенностях формирования видовой корреляции в истории русского языка см., напр.: [Кукушкина, Шевелева 1991; Мишина 2018].

глаголов, ср. примеры некоторых так наз. лабильных глаголов в этот период, таких как *облегчати* и *отягчати*: *облегчати*₁ 'делать менее трудным' и *облегчати*₂ 'стать легче', *отягчати*₁ 'отягощать, обременять' и *отягчати*₂ 'отяжелеть'. В то же время возвратный дериват, который также мог устранить эту омонимию, существовал и в принципе был возможен не для всех глаголов.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

БАН — Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы, С.-Петербург

РНБ — Фонд рукописей Российской национальной библиотеки, С.-Петербург

Источники

Рукописи

Варл. Хут.

НИОР РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 154, л. 176–220, Похвала и чудеса Варлаама Хутынского. к. XVI или н. XVII в.

Волог. сб.

БАН, ф. 45, № 10, л. 6, Сборник к. XV в., включающий Пятикнижие Моисеево, Еллинский летописец и собрание полемических статей против латинян.

Изм.

БАН, ф. 13, № 2, л. 7, Измарагд. XVI в.

Ио. Леств. I

НИОР РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 198, 1°, л. 1–21, Лествица Иоанна Лествичника (Синайского), на пергамене, сер. (?) XII в. (л. 218–н. (?) XIII в.).

Леч. II

РО ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 217, Лечебник, в 366 главах. сер. XVIII в.

Травник Любч.

ОР РНБ, собр. Уварова, № 387, 1°, Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г. XVII в.

Издания

АИ II

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 2, С.-Петербург, 1841.

Вост. II

Востоков А. Х., *Словарь церковно-славянского языка, 2, изд. 2-е Отделения Императорской Академии Наук, С.-Петербург, 1861.*

Гр. Сиб. Милл. II

Миллер Г.Ф. *История Сибири, 2, Москва; Ленинград, 1941.*

ДТП I

Дела Тайного приказа, 1, in: *Русская историческая библиотека, 21, С.-Петербург, 1907.*

Лавр. лет.

Лаврентьевская летопись, 1–3; по изд. *Полное собрание русских летописей*, 1, 2-е изд., Ленинград, 1926–1928.

Лекс. словен.-лат.

Німчук В. В., «Лексикон словено-латинский» Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського, Київ, 1973.

Львов. лет. I

Львовская летопись, 1; по изд. *Полное собрание русских летописей*, 20, С.-Петербург, 1910.

Назиратель

Назиратель, С. И. Котков, ред., М., 1973.

Ник. лет. XIII

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью; по изд. *Полное собрание русских летописей*, 13, С.-Петербург, 1906.

Новг. III лет.

Новгородская третья летопись; по изд. *Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)*, изд. Археографической комиссии, С.-Петербург, 1879.

Пис. к Матюшкину

Бартев П., «Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину», in: *Собрание писем царя Алексея Михайловича*, М., 1856.

Писц. д. I

Веселовский С., «Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том 1: Акты 1587–1627 гг.», in: *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 11, 1913.

Посольство Барятинского

Веселовский Н. И., «Посольство князя Михаила Петровича Барятинского», in: *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*, 3 (= *Труды Восточного отделения Русского археологического общества*, 22), С.-Петербург, 1898.

СГД II

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел, 2, Москва, 1819.

СлРЯ XI–XVII 1–31–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–31–, Москва, 1975–1995–.

Литература

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2017.

Крысько 2006

Крысько В. Б., *Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 2006.

Кукушкина, Шевелева 1991

Кукушкина О. В., Шевелева М. Н., «О формировании современной категории глагольного вида», in: *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 6, 1991, 38–49.

Летучий 2014

Летучий А. Б., «Возвратность», in: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>), Москва, 2014.

Мишина 2018

Мишина Е. А., «К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке», in: *Русский язык в научном освещении*, 35, 1, 2018, 161–182.

Скачедубова 2016

Скачедубова М. В., «О некоторых особенностях функционирования -l- формы в Ипатьевской летописи», in: *Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой*, Красных В. В., Изотов А. И., ред., Москва, 2016, 78–83.

References

Krisko V. B., *Istoricheskie sintaksis russkogo iazyka: Ob'ekt i perekhodnost'*, 2nd ed., Moscow, 2006.

Kukushkina O. V., Sheveleva M. N., "O formirovaniï sovremennoi kategorii glagol'nogo vida", in: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 6, 1991, 38–49.

Letuchy A. B., "Vozvratnost'", in: *Materialy dlia projekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki*, Moscow, 2014.

Miller G. F. *Istoriia Sibiri*, Moscow, Leningrad, 1941.

Mishina E. A., "On the Aspect of Simplex (Non-prefixed) Verbs in Old Russian", in: *Russian Language and Linguistic Theory*, 35, 1, 2018, 161–182.

Skachedubova M. V., "About Some Features of the -l-form Functioning in Ipatjavskaia Chronicle", in: *Language – Mind – Communication*, Krasnykh V. V., Izotov A. I., eds., Moscow, 2016, 78–83.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Пенькова Яна Андреевна, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела исторической лексикографии
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва, 119019, Волхонка 18/2
penkovajanine@gmail.com

Received October 18, 2018